

ДМИТРИЙ БОРТНИКОВ ЭТОТ ДОМ

№ 22 1997

- Захочешь уединиться,- подмигивает он,- кофейник вот тут. И открыв незаметный какой-то ящичек, показал.

- А вот здесь гантели и штанга. Наклониться к софе не получилось, и он только кивнул расслабленно под нее.

- Было время, я валялся на ней, как Калигула. Между двух мадам. Он мечтательно подвигал пальцами перед носом.

- Располагайся пока,- сказал и пошаркал огромными тапочками в направлении кухни. Включив воду, принялся полоскать горло, побряхтывая от удовольствия. Провернул дельце. Нашел интеллигентного придурка, бездомного меня, который будет давать ему деньги.

Я стоял, оглядывая это гнездышко. Пропойная пещера. Здесь все пропахло Неудачей. Протекли тысячелетия Неудач. Везло мне на такие берлоги. С первого взгляда я мог до деталей представить их хозяев. Вплоть до манеры курить, до жаргона. Эта мебель, эти пыльные чучела кресел, мертвые диваны... Старые фото умерших давно людей, брошюры по электротехнике.

Прислушиваясь, как этот Сапожок мурлычет на кухне что-то из "Битлз", я курил, опершись спиной на свое прошлое. Пружинистым щелчком выстрелил окурком в форточку. Окурком коснулся дороги и покотился. А я стоял и смотрел, пока он совсем не исчезнет вдали.

Калигула появился розовый и сияющий, как после горячей ванны. На его лице было слишком много носа. Сейчас он держал его, что называется "по ветру".

- Одолжи пару штук с половиной, говорит, слегка грассируя, и смотрит каков будет эффект.

Не было у меня двух с половиной штук. Так я ему и сказал. С сыном этого типа мы договорились, что деньги за квартиру я отдам Калигуле-младшему лично в руки. Он меня подробно проинструктировал на тему как вести себя с папашей. Говорит, если уж совсем до.ет или жалко его станет, дай сигарету, в крайнем случае пожертвуй денег, не больше штук пяти.

- Сынок тебя настропалил? - лукаво ухмыляется Сапожок.

- И это есть,- отвечаю.

- Не первый год живу, а все удивляюсь. Хоть сигаретой угости.

Закурив, он отвалил. Одеваясь в прихожей, сделал глаза в сторону соседской двери.

- Ничего, позлятся и привыкнут. Теперь дело за тобой, надеюсь и верю - проврешься.

- А куда деваться,- говорю.

- Это точно. Кому сейчас легко - смеется,- у тебя слишком честные глаза. Слишком ясные. Таким глазам грех не доверять. Не то, что мои. Бутылочное стекло. Ну ладно, я еще тебе поисповедуюсь. Усмехаясь, машет рукой и выходит. Маленький угрюмый человечек в слишком длинном пальто и шляпе, надвинутой на брови.

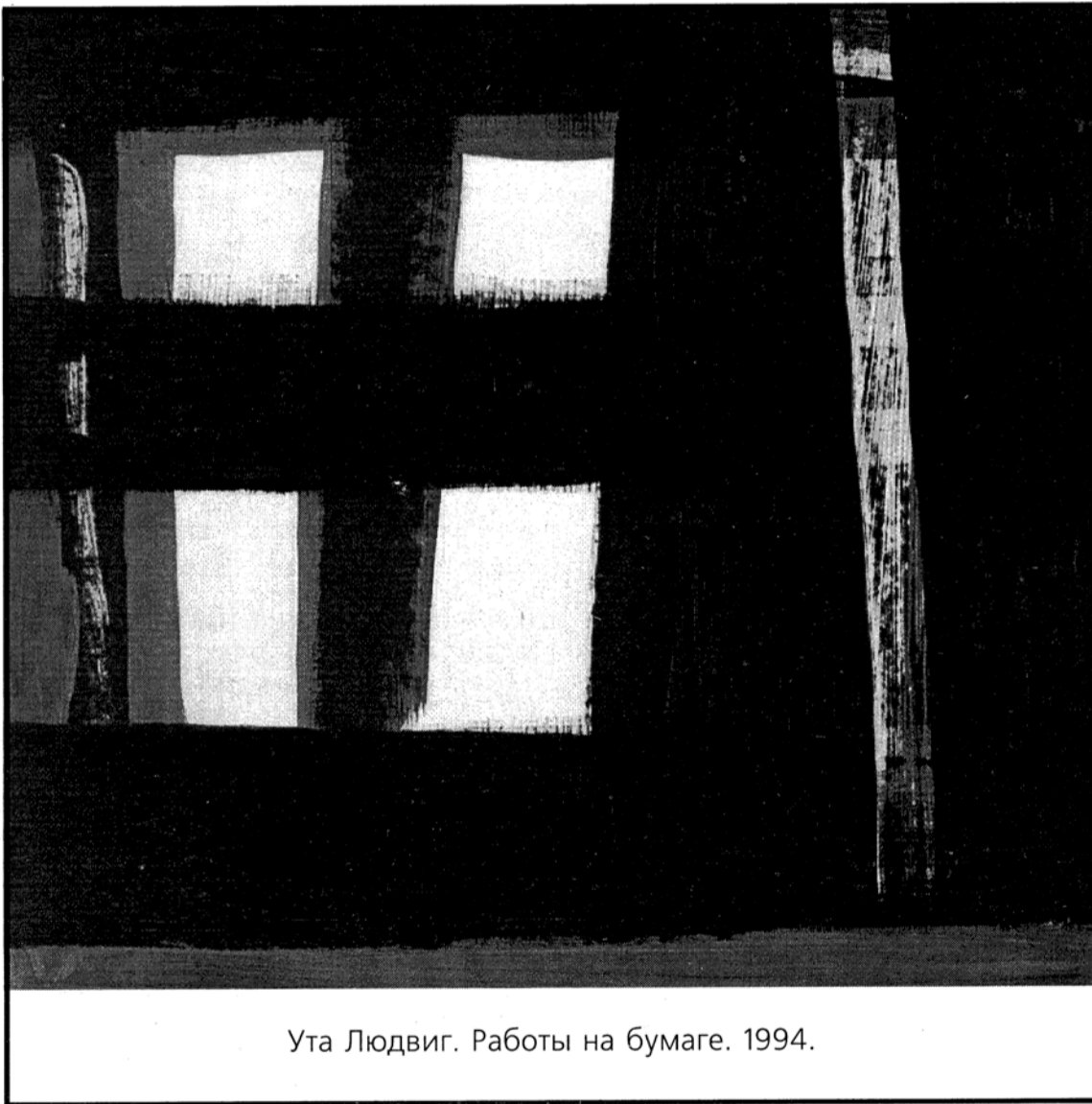
Пару недель Сапожок не появлялся. За это время ничего не произошло, если не считать того, что я бросил работу. Меня тошнило от одной мысли о школе. Приходилось по утрам сметать себя в кучу и вытряхивать на улицу, в транспорт, к людям. И теперь это кончилось. Я выпрыгнул за борт, а корабль пошел дальше. Неизвестно, кто из нас спасся: люди на корабле или я. Так было надо и я это сделал.

В редакции газеты "Час Y" невозможно оставаться в своем уме. Учредил ее один тип, до обеда он в камере сидит, а после обеда появляется в костюме, на собственной машине. Всем кивает и начинает... Все работники при появлении босса ведут себя так, как будто в редакцию прорвался цыганский табор, и надо прятать все ценное. Нездоровая суета, двумя словами... Мы с ним как-то поговорили, он со всеми новичками беседует, учредитель все-таки, пусть и после обеда. Ничего мужик, средней величины хищник. Насторожен, на допросах научили, думаю, теперь сам вот расспрашивает. Потом он и замечать меня перестал. Я принес им

кое-какие свои рассказы, зарисовки, редакторша, обливаясь, сказала, что посмотрит, и чтобы я пришел завтра. Я и пришел, ни на что особенное не рассчитывая. Стою перед этой женщиной и выслушиваю ее мнение. Ей уже порядочно за пятьдесят, побитая молью, красится как в сороковые, коротенькое платьице и черные чулки. Стою, слушаю: как здорово я пишу, как расковано, но это для их газеты чересчур смело. Комплименты сыплются, краны в соседней комнате "пердят". Она мне отказывает, я улыбаюсь, потому что приду в берлогу свою, и курить уже кончилось, и провиант на исходе. Стою, как дурак, улыбаюсь, Вы что, спрашивает редактор, ничего, отвечаю, краны тут у вас смешные.

Выписывая мне временное удостоверение, она наклонилась к столу, смотрю чулок перекурился. Оттопырив попochку, пишет своим малоразборчивым почерком, выводит старательно, как девочка, посапывает от усердия. Спасибо, говорю,- да не за что, отвечает, думаю, все получится, надо бороться с депрессиями. Напишите фельетон, там посмотрим. И не унывайте, боритесь. Буду бороться, отвечаю. Когда я вас читала, то краснела, а то грустно становилось. Она улыбается. Не унывайте. Завтра приходите.

Возвращаясь в берлогу, закуриваю, цыганенок в огромном пиджаке у метро подбегает за милостыней. А сам ржет, на меня глядя. Остановился, последние сигареты по ходу движения выпали из дырявого кармана старинного моего пальто и белеются как черточки в "казаках-разбойниках". Пока никто не наступил, вдвоем с мальчишкой под ногами прохожих подбираем сигареты. Маленький разбойник ускользает со своей долей.

Ута Людвиг. Работы на бумаге. 1994.

Обживание берлоги шло ускоренными темпами. По утрам, открывая глаза, не мог понять, что происходит. Ущербный бетон стены перед лицом. Потом приходил в себя. Со временем, даже решил наклеить в этой пещере обои.

В первый вечер я быстро напился, глядя в окно, и уснул.

Споласкивая на следующий день стакан, слышу шаги соседки. Уютные, в теплых тапочках шаги. Вошла девушка, мы кивнули друг другу, как старые знакомые. Я пожелал ей доброго утра.

- Уже и забыл, когда последний раз желал кому-нибудь доброго утра,- говорю.

- Ну вот пожелали и вспомнили - улыбается девушка.

Она чуточку косолапит, но неуклюжести нет и в помине. Эдакая Девочка-Медвежонок. Правильные черты, и глаза немного меланхоличные. Она учит детей немецкому языку. Пять лет вдвоем с братом живут в этой квартире. Странная, детская их жизнь... Придумывают друг другу и вещам разные смешные и не очень прозвища. Скоро и я освоил этот дельфиний язык. Брат был похож на

ежа. Еж сильный, деловитый, с такими же, как у сестры, светлыми глазами, только без меланхолии. Вечерами она шила куклы для немецкого детского театра. Внутри этих кукол руке было тепло и уютно. Страшилища из тряпок долго хранили тепло ее рук и запах духов. Когда Девочка-Медвежонок смеялась, зрачки ее расширялись. Я слушал ее сны. В них были яркие краски и покой. Мне приходилось смотреть кошмары, и я ей немало завидовал. В моих снах бродили какие-то люди. Их были толпы.

- Однажды,- говорит она,- мне приснилась церковь, бело-золотая в зеленом спокойном лесу.

хожу вокруг белых стен, они теплые от солнца, хожу и рву ягоды, крупные такие, сладкие. И небо, синее-синее. Ни одного человека вокруг. Я чувствую,- говорит она,- никого и нет на земле, и то, что это не важно совсем.

Я молча слушаю. Стоит во сне появиться человеку, как сон превращается в кошмар. В снах этой девушки что-то первобытное, то, что до человека.

Случалось, мы хохотали втроем, как сумасшедшие.

- Этот дом - дом боли, сказала она как-то,- дас хаус дес шмерцес. Здесь собрались одни страдальцы.

Да, уж страдания у нас,- говорю,- Буддам далеко.